

№ 253—255
ВОЛНЕНИЕ НА АВГОРСКОМ
ЧУГУНОПЛАВИЛЬНОМ ЗАВОДЕ
НАСЛЕДНИКОВ МАНУХИНА В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБ.
(1858—1860 гг.)

☆

№ 253

1858 г., МАЯ 14.

ИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
С. С. ЛАНСКОГО В КОМИТЕТ МИНИСТРОВ
О ВОЛНЕНИИ ЗАВОДСКИХ КРЕСТЬЯН АВГОРСКОГО ЗАВОДА,
ТРЕБОВАВШИХ ПОВЫШЕНИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

В начале января месяца нынешнего 1858 года на Авгорском чугуноплавильном заводе и приписной к тому заводу деревне Русской Маскиной, состоящих Пензенской губернии в Краснослободском уезде, и принадлежащих наследникам посессионного владельца умершего мануфактур-советника Манухина, возникло между горнозаводскими крестьянами волнение и неповиновение заводскому их начальству, с прекращением с их стороны самых на заводе работ под тем предлогом, что получаемая за оные плата конным работникам по 50 коп., а пешим по 25 и 30 коп. ассигнациями в сутки, недостаточна. Волновавшиеся крестьяне с дерзостью требовали увеличения платы до 30 коп. сер. в день, удовлетворения их по этому расчету за прежнее время и отдачи в полное их распоряжение пахотных земель и лесных угодий. Сделанные со стороны земской полиции, горного исправника и уездного предводителя дворянства, к которому эти волнующиеся крестьяне обращались с своими жалобами, увещания о должном повиновении впредь до исследования и разрешения начальством, их просьб остались безуспешны, и все они решительно объявили, что ни повиноваться владельцу, ни работать на заводах не станут до тех пор, пока требования их не будут вполне удовлетворены.

Для прекращения этих беспорядков и приведения крестьян в должное послушание командирован был на место пензенским гражданским губернатором старший чиновник особых поручений при нем Караулов, обер-офицер Корпуса жандармов и заводский исправник с предоставлением им права в случае надобности истребовать и употребить для усмирения крестьян воинскую команду.

По прибытии следователей в деревню Русскую Маскину собраны были ими крестьяне и увещаемы к надлежащему пови-

№ 255

1863 г., ОКТЯБРЯ 17.

**ИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА
ГОРНЫХ И СОЛЯНЫХ ДЕЛ В. К. РАШЕТА
В СОВЕТ КОРПУСА ГОРНЫХ ИНЖЕНЕРОВ
О ВОЛНЕНИИ МАСТЕРОВЫХ АВГОРСКОГО ЗАВОДА
В 1860 г. И МЕРАХ, ПРИНЯТЫХ К ЕГО ПРЕКРАЩЕНИЮ**

...Обстоятельства сего дела заключаются в следующем: мастеровой Авгорского чугуноплавильного завода г. Манухина Марк Петров Драконов 13 апреля 1860 года без письменного вида и без ведома заводского управления неизвестно куда отлучился, а 20 июня того же года горнозаводский исправник уведомил Краснослободский земский суд, что г. начальник Пензенской губернии, убедясь в неосновательности жалоб мастеровых Авгорского завода, приносимых на владельца оного г. Манухина, под влиянием поверенного их Драконова, предписал ему, исправнику, 11 апреля 1860 года обратить особое внимание на отношение Драконова к мастеровым и войти в соображение, не будет ли полезно в предупреждение упорства мастеровых удалить его, Драконова, из жительства, но Драконов до получения того предписания самовольно куда-то отлучился и, пробыв в отлучке более месяца, 27 мая в отсутствие его, исправника, явился в завод, разглашая между мастеровыми, что он вместе с мастеровым Кузьмою Савельевым Щербаковым подал на владельца завода жалобу государю императору. В приезд же его на Авгорский завод ночью на 31 мая мастеровые Драконов и Щербаков опять из завода скрылись, а 18 июня Драконов найден им скрывающимся на своем пчельнике, в Авгорском лесу. При спросе о самовольной отлучке Драконов объяснил, что он сделал эту отлучку с видом, выданным ему из Пензенской военной комиссии на проход до Авгорского завода, а как вид этот был у него дома, то он, исправник, хотел было послать его за ним с одним сотским, но, услышав, что мастеровые стали собираться толпами, он сам пошел в дом Драконова в полном составе заводской полиции с управляющим заводами, заседателем полиции, сотским и рассыльным. По выходе же из дома Драконова он был встречен толпою авгорских мастеровых в числе более 30 человек, из которых он признал только Александра Кирьякова, Феофана Гаврилова Суринова, Леонтия Ларионова, Никиту Трифонова, Ефима Артемьева, Егора Аршинова, Калина Суринова, Якова Герасимова, Симона Васильева, Казина и Ивана Васильева Щербакова, и люди эти сказали: «Марк Драконов, поди сюда и туда не ходи». В ответ на воспрещение его оставить самовольство они закричали: «Мы его тебе не дадим, ему делать у тебя нечего», и с этими словами

взяли от него, Драконова, и с ним ушли. При этом употребить силу он не мог по многолюдству бывших в сборе мастеровых, тем более, что все прочие мастеровые, бросив работу на заводе, стали собираться в кучу, и после того они в числе человек 80 или более ходили толпою по заводу, оставив все заводские работы.

...*Справка.* Из дел Горного департамента видно, что настоящее дело есть последствие общего дела о беспорядках, происходивших на заводе Манухиных, виновные в которых, по определению Уголовной палаты и согласно заключению Совета Корпуса горных инженеров 28 октября 1860 года, подвергнуты с разрешения Правительствующего сената определенным по закону наказаниям.

Продолжавшиеся несколько лет сряду на заводах Манухина беспорядки со стороны рабочего населения вынудили как горное, так и гражданское начальство озаботиться изысканием причины оных, обратя преимущественное внимание на законность распоряжений самого владельца.

Из произведенных по сему предмету дознаний обнаружено жандармским штаб-офицером, что причины неудовольствия крестьян к заводовладельцу заключаются в неимении лугов, большой таксе на лес и оставлении без средств к пропитанию семейств сосланных крестьян или заключенных в острог и что продолжению беспорядков на Авгорском заводе могут содействовать сколько существующие неприязни между крестьянами Манухина, столько же неопределенный и нерешительный образ действий горного начальства. По мнению же Московского бергинспектора, все беспорядки на заводах Манухина происходили от взаимных между владельцами несогласий, с прекращением которых за передачею уже управления заводом одному лицу таковые беспорядки должны прекратиться.

Заключение. Принимая в уважение:

1) что существовавшие на заводах Манухина беспорядки происходили еще во время обязательных отношений рабочих к владельцам;

2) что по удостоверению московского берг-инспектора и жандармского штаб-офицера, главнейшая причина оных заключалась во взаимных между владельцами несогласиях и

3) что наиболее виновные в неповиновении уже наказаны по определению Уголовной палаты, Горный департамент с своей стороны находит, что с прекращением крепостной зависимости и вошедших в полное действие мировых учреждений не представляется уже особой надобности в преследовании истекавших из существа крепостного права недоразумений, отразившихся не на отдельные лица, а на целое общество крестьян Манухина, а потому и полагает: обратив в наказание

новению с изъяснением, что просьбы их о прибавке платы будут рассмотрены Горным правлением, однако эти крестьяне остались в прежнем упорстве, почему и вытребовано было для усмирения их 2 роты Углицкого пехотного полка, расположенного квартирами в Краснослободском уезде. При вступлении этих войск в деревню Русскую Маскину 21 января крестьяне, в числе более 200 человек, с мальчиками при них, собрались в тесной улице и на призыв опять следователей явиться в заводскую контору, не пошли туда. Посему войска поставлены были по обоим сторонам волновавшейся толпы, и чиновник Караулов потребовал, чтоб крестьяне сняли шапки в знак покорности. Сначала некоторые это, было, исполнили, но потом, когда один из них, бывший ратник, не послушался и сказал что-то прочим, все снова надели шапки и подняли страшный крик и шум, называя солдат разбойниками и грозясь всех их перебить. У многих из бунтующих были дубины, колья, а у некоторых даже ножи и топоры. С этими орудиями все они бросились на фронт солдат, хотели сбить их и хватались за ружья. По этому буйству дано было войскам немедленно приказание ударить крестьян в приклады и таким действием воинской команды через шесть минут достигнуто было полное их усмирение. Во время этой непродолжительной схватки несколько рядовых получили от крестьян легкие ушибы; одному рядовому обрезана рука также слегка, а у другого рядового находившийся в толпе крестьян отставной унтер-офицер Архип Леонтьев¹, жительствующий в деревне Русской Маскине, разрубил топором ложу ружья. Сверх того, прапорщику Румшевичу нанесен одним крестьянином удар колом по лицу, тоже, однако, не опасный, а у прапорщика Бородина какой-то другой крестьянин прорвал шинель. Когда буйство крестьян было укрощено, то отставной унтер-офицер Архип Леонтьев, равно бывший ратник Михайлов, и с ними 9 и других крестьян, более прочих подстрекавшие толпу к сопротивлению и начавшие с солдатами драку, взяты под стражу и по произведении о поступках их следствия особо преданы военному суду. Причем пензенским гражданским губернатором дано суду знать об объявленном ему, губернатору, шефом Корпуса жандармов высочайшем его императорского величества повелении по поводу всеподданнейшего его о сих происшествиях донесения, чтобы на бывшего ратника, который подстрекал крестьян к буйству, и на отставного унтер-офицера Леонтьева, разрубившего топором ложу ружья у одного из нижних чинов, обращено было самое строгое внимание, так как они оба заслуживают, если вина их подтвердится, примерного наказания.

¹ Служил в 5-м батальоне Кременчугского егерского полка (*примечание подлинника*).

Комиссия смешанного военного суда, учрежденная при Краснослободском уездном суде для суждения помянутых 11 подсудимых, по рассмотрении следственного об них дела, отделенного от прочего производства о бывшем между всеми крестьянами волнении, имеющего теперь свой дальнейший ход по гражданскому ведомству, признала означенных подсудимых виновными в следующем: 1) Бывшего ратника Егора Михайлова и другого ратника, Логина Кондрашкина — в том, что хотя они не участвовали в начальном подговоре прочих крестьян в неповиновении владельцу, но потом пристали к толпе и, несмотря на знание свое по бытности в службе воинской дисциплины, дрались с командою; Михайлов же, сверх того, не допустил крестьян снять при увещании следователей шапки в знак их покорности, в чем хотя ратники эти не сознались, но замечены следователями, депутатом со стороны воинской, заводским исправником и уличаются самим обществом крестьян деревни Русской Маскиной. 2) Проживающего в этой деревне отставного унтер-офицера Архипа Леонтьева в том, что хотя он, также как и ратники, в подговоре крестьян к неповиновению не участвовал, но в день происшествия был в толпе, осмелился делать команде сопротивление и разрубить у солдата ружейную ложку, в чем, несмотря на свое заpiresательство, уличается обстоятельствами дела и показаниями прочих крестьян. 3) Шестерых крестьян помянутой деревни — Федора Леонтьева, Андрея Горбунова, Антона Гудина, Ивана Феклина, Егора Маркина и Алексея Николаева — в том, что все они шестеро были главными зачинщиками заговора о неповиновении владельцу и при сопротивлении воинской команде замечены впереди прочих первыми в нападении на нее. И 4) Двух крестьян той же деревни Маскиной — Ефима Денисова и Матвея Беляева в том, что хотя они равномерно не были из числа главных зачинщиков возмущения, но Денисов во время драки с командою ударил колом офицера оной, а Беляев причинил прежде побои крестьянину, не хотевшему итти на общественную сходку при сговоре общества на неповиновение.

Посему комиссия смешанного военного суда на основании нижеизложенных здесь законов приговорила означенных виновных подвергнуть следующим наказаниям: а) Бывших ратников Михайлова и Кондрашкина и восьмерых прочих крестьян, как то: Николаева, Леонтьева, Горбунова, Гудина, Феклина, Маркина, Денисова и Беляева, лишить всех прав состояния, прогнать сквозь строй каждого чрез сто человек по 9 раз и потом сослать в каторжную работу в рудниках на 20 лет и б) Отставного унтер-офицера Архипа Леонтьева также лишить имеющихся у него знаков отличия: военного ордена св. Георгия, серебряных медалей за Турецкую 1828 и 1829 гг. войну

содержащимся под стражей время их ареста, остальных прикосновенных к делу передать под надзор местных волостных управлений, о чем и имеет честь представить на благоусмотрение Совета Корпуса горных инженеров.

Директор генерал-майор *Рашет*.

ЦГИАЛ, ф. 37, Горный д-т, оп. 60, д. 699,
л. 50—53, 69—71.

и за взятие приступом г. Варшавы в 1831 г., польского за военное достоинство 5-й степени, равно шевронов за беспорочную выслугу 25 лет и всех прав состояния и затем тоже сослать в каторжную работу в рудниках на 20 лет.

Из подсудимых отставному унтер-офицеру Леонтьеву ныне 63 года от роду, а прочим от 23 до 48 лет. Причем по произведенному 9 минувшего апреля медицинскому свидетельству все эти подсудимые, кроме унтер-офицера Леонтьева, найдены без телесных недостатков, здоровыми, могущими выдержать наказание по предписанным правилам и способны к работе в рудниках; унтер же офицер Леонтьев признан по своей старости, хроническому катарру легких и завалу печени к тем работам негодным.

С этим решением комиссии смешанного военного суда согласился и начальник Пензенской губернии, с такими только изменениями: 1) Чтобы из подсудимых всех крестьян, кроме бывших 2 ратников, наказать в уменьшенной мере, согласуясь с высочайшим повелением, объявленным в секретном предписании Министерства внутренних дел в сентябре 1856 года¹, а именно прогнать каждого из них, вместо 9, по 7 раз чрез сто человек и 2) Чтобы унтер-офицера Леонтьева, по причине преклонных лет, хронического катарра и завала печени оказавшегося неспособным к работе в рудниках, сослать вместо каторжной работы просто в Сибирь на поселение...

Заключение министра внутренних дел:

Признавая с своей стороны изложенное решение Комиссии смешанного военного суда правильным, я полагал бы оное утвердить, с теми лишь изменениями, какие в мнении пензенского гражданского губернатора предположены; о чем имею честь представить на благоусмотрение Комитета г.г. министров, присовокупляя, что все подсудимые по сему делу содержатся под стражею с 24 прошлого января².

Министр внутренних дел *С. Ланской*.

ЦГИАЛ, ф. 1263, К-т мин., засед. 20 мая
1858 г., ст. 373, прил., л. 3—10.

¹ В предписании говорилось о наказании солдат шпицрутенами не свыше 1000 ударов (то же дело, л. 10).

² В заседании Комитета министров 20 мая 1858 г. заключение министра внутренних дел было утверждено (ЦГИАЛ, ф. 1263, К-т мин., засед. 20 мая 1858 г., ст. 373, л. 122).

№ 254

1860 г., ОКТЯБРЯ 28.

**ЖУРНАЛ СОВЕТА КОРПУСА ГОРНЫХ ИНЖЕНЕРОВ
ПО ДЕЛУ О ВОЛНЕНИИ МАСТЕРОВЫХ
АВГОРСКОГО ЗАВОДА**

Совет Корпуса горных инженеров рассматривал записку Департамента горных и соляных дел по присланному из Правительствующего сената на заключение Министерства финансов делу о мастеровых Авгорского чугуноплавильного завода отставного штабс-капитана Манухина, судимых за неповиновение и непокорность своему владельцу и слушание местной земской полиции и заводскому исправнику.

Из записки этой видно:

В 1858 году владелец Авгорского чугуноплавильного завода (Пензенской губернии) отставной штабс-капитан Манухин, донося местным: земской полиции и горному исправнику, а впоследствии и Московскому горному правлению о неповиновении и лености заводских мастеровых, просил содействия к поддержке на его заводе порядка.

Мастеровые с своей стороны жаловались на стеснительные для них действия владельца завода Манухина. Главные предметы их жалобы следующие:

Малое производство им задельной платы, которою они не в состоянии пропитывать себя с семействами; за забракованную работу не производится им никакой платы, и она поступает в пользу владельца без всякого им вознаграждения; вычитаются конторою из задельной платы деньги за незаготовку самими мастеровыми дров для просушки опок или форм, по коим отливаются ими работы; владельцем завода отняты у них луга, снятые ими самими на собственные свои деньги, так, что все они в 1858 году остались вовсе без сена; кроме того, в просьбах своих они жаловались еще на безденежное проложение ими дороги от деревни Авгор до села Савина, на расстоянии пяти верст; на вычет из задельной платы для сирот по 1 руб. серебром без должного употребления оных и по 1 руб. ассигн. на охотников, поступивших в рекруты; на отобрание конторою бревен, приготовленных ими для поправки своих изб, и на взыскание с них штрафа в течение 44-летнего управления Манухинными заводом в количестве 20 тыс. руб. серебром.

При производстве следствия в отношении задельной платы сами мастеровые показали, что они получают оную в том самом размере, как объяснено в предъявленной им табели Московского горного правления.

Из сравнения табели Авгорского завода с табелью других соседственных заводов задельные платы мастеровых оно не только не менее, но даже выше против заводов Ряпкинского и наследников Силы Баташева. Но и за всем тем, по соглашению московского берг-инспектора с владельцем завода, задельные платы мастеровым Авгорского завода увеличены против прежней вышеупомянутой табели.

Владелец завода отозвался, что за забракованную работу действительно не производится платы, как это существует на всех в России заводах, и что она остается на заводе для замена битой посуды и для потребностей завода. В отношении вычета из задельной платы за незаготовку дров для просушки опок владелец завода первоначально объяснил, что вычет с некоторых мастеровых весной 1858 года действительно был произведен собственно для удержания их от самовольства потому, что в прежнее время дрова для просушки опок мастеровые заготавливали сами; но когда некоторые из них с грубою настойчивостью требовали отпуска им готовых дров, то, чтобы не остановить заводского действия, им было дозволено брать дрова из сажень, но с тем, что за каждую сажень будет вычтено с них по 2 р. 50 к. ассигн. За отпущенные таким образом конторою дрова, всего 48 $\frac{1}{8}$ саж., вычтено с них 211 руб. ассигн., а с каждого мастера, работавшего готовыми дровами в продолжении пяти зимних месяцев, вычтено по 2 р. 9 к. ассигн., т. е. с небольшим по 40 коп. ассигн. в месяц. В отзыве же от 12 августа 1859 года заводовладелец объяснил, что деньги за дрова в количестве 211 руб. взысканы управляющим заводом на том основании, что дрова эти приготовлены были особенно для заводского действия и отпущены мастеровым в виде продажи, подобно тому как это делается на казенных Уральских заводах; взятые же с них деньги употреблены на покупку новых дров.

В отношении лугов мастеровые в жалобах своих объяснили, что дача для сенокосения была снята конторою в 1855 году для общего их пользования на собственные их деньги, коих собрано было с них и внесено в контору 2 200 руб. ассигн. В 1856 и 1857 годах все во обще с дозволения конторы косили в этой даче для себя сено, а в 1858 году контора им того не дозволила. Некоторые из них то же самое подтвердили и при следствии, а другие объяснили, что сначала они заняли 500 р. ассигн. и передали оные бывшему управляющему заводом из мастеровых Ивану Сергееву Емельянову на снятие лугов; затем на этот же предмет делается у них вычет по частям из задельной платы. Сенокосная статья снята была при прежнем заводовладельце, подпоручике Манухине, но на чье имя, не знают. Кроме того, они объяснили, что от косения сена в 1858 году они отка-

зались сами потому, что ожидали разрешения на поданную ими по сему предмету просьбу.

Бывший управляющий заводов мастеровой Иван Сергеев Емельянов объяснил, что действительно в 1855 году мастеровыми представлено было бывшему владельцу Николаю Манухину 500 руб. ассигн., а Манухиным переданы были ему, из коих одна часть представлена им в залог при снятии в Палате государственных имуществ оброчной статьи, называемой Погорелый лес, а другая употреблена на разные расходы. Расчет в этих деньгах представлен был им бывшему владельцу, подпоручику Николаю Манухину.

Подпоручик Манухин объяснил, что действительно мастеровыми внесено было 500 руб. ассигн. для снятия в их пользование сенокосной оброчной статьи, которые им, Манухиным, переданы были для употребления на этот предмет бывшему управляющему Емельянову. Покойный отец его, Манухина, мануфактур-советник Николай Дмитриев Манухин показывал ему полный расчет в этих деньгах, представленный ему Емельяновым.

Нынешний заводовладелец штабс-капитан Манухин объяснил, что в видах заботливости и обеспечения домашнего быта мастеровых и с общего их согласия снимаемы были покойным заводовладельцем мануфактур-советником Манухиным непосредственно или через контору в различных окрестных местах луга для сенокосения. Сколько употреблялось на это расходов, он положительных сведений об этом не имеет, но в 1857 году в конторских книгах значится, что под счет мастеровых записано 60 руб. сер. за снятые для них луга, за то же самое и в 1858 году записано под счет их 30 руб. сереб.; но как они того не пожелали, то деньги эти были возвращены им и ими по упорству обратно не приняты. Лугов же, снятых собственно для мастеровых на их имя по каким-либо условиям или контрактам, не имеется. Хотя конторою в 1855 году и снята была в Палате государственных имуществ одна оброчная статья, но снята была для заводских надобностей.

Из вытребованной к делу копии с контракта видно, что статья эта, называемая Краснослободский казенный горелый лес, в количестве 300 десятин, снята в Палате государственных имуществ в 1855 году по доверенности от подпоручика Николая Манухина управляющим заводом Иваном Сергеевым Емельяновым в 24-летнее содержание для добывания формового песка на действие Авгорского чугуноплавильного завода и пользования прочими угодьями с платою по 60 руб. сер. в год.

В другом же отзыве, от 12 августа 1859 года, штабс-капитан Манухин объяснил, что при управлении заводом подпоручиком Николаем Манухиным мастеровые охотно доверяли ему сни-

мать луга и следующие за оные деньги предоставляли ему вычитать из задельной платы, вероятно, и 500 руб. употреблены им на единовременный наем лугов, коими они уже и воспользовались.

В отношении дороги и построения моста заводовладелец объяснил, что дорога эта проведена в 1848 году на протяжении двух верст; мастеровые работали оную в свободное время помочью; за это им давалось вино и делались разные угощения.

Затем в отношении остальных предметов жалобы мастеровые не представили не только доказательств, но даже и указаний. К пояснению их также и заводовладелец не доставил никаких сведений, объяснив только, что подобные жалобы со стороны мастеровых возникли вследствие неукротимого их бунта и желания выказывать разные придирки без всякого основания, в виде защиты своих противозаконных поступков.

Из произведенного следствия видно, что мастеровые Авгорского завода уличаются собственными показаниями: в неповиновении в июле месяце 1858 года управляющему заводом при наряде мастеровых на работы, при разборе им грубостей и ослушания мастерового Василия Петрова Тимофеева и при других случаях, а равно и в ослушании и противодействии распоряжениям краснослободского земского исправника, во-первых, при разбирательстве им в июле месяце 1858 г. жалобы заводовладельца на неповиновение и непокорность мастеровых, и, во-вторых, при объявлении им в том же июле месяце предписания начальника губернии, чтобы находились впредь до окончания следствия в должном повиновении владельцу и работы отправляли исправно и, наконец, в ослушании краснослободскому земскому исправнику, заводскому исправнику 2 округа и приставу 1-го стана при объявлении им 12 декабря того же 1858 года решения Уголовной палаты по делу о возмущении крестьян и мастеровых деревни Русской Маскиной.

Главные и побудительные причины их неповиновения и ослушания, как видно из их показаний, есть стеснительные будто для них действия заводовладельца; некоторые из них объяснили, что от работ они не отказываются, но владельцу повиноваться не будут потому, что плата за работы производится им малая.

При разбирательстве жалобы заводовладельца земский исправник хотел было наказать, как более других виновных, мастеровых: Алексея Суринова, Андрея Чегодаева и Степана Драконова, но мастеровые, собравшись все, не допустили до этого исправника. При объявлении им в июле месяце предписания начальника губернии о том, чтобы они впредь до окончания следствия находились в полном повиновении и послушании заводовладельцу, и в декабре месяце решения Уголовной

палаты, они от дачи в тот и другой раз подписок о нахождении их в повинности у владельца совершенно отказались.

При производстве следствия о том, почему они не дали подписки о повинности владельцу при объявлении им решения Палаты, все мастеровые в марте месяце 1859 года временному отделению Краснослободского земского суда объяснили, что они положили всем обществом ни к каким бумагам рук не прикладывать и подписок от себя никаких не давать впредь до прибавки требуемого положения и в дополнение к настоящему.

Во время производства следствия чиновником особых поручений при пензенском гражданском губернаторе вместе с горным исправником мастеровые от рукоприкладства своих показаний отказались и, собравшись в числе около ста человек, кричали, что они рук прикладывать к показаниям не хотят. Когда же горный исправник одного из них, Петра Никифорова Суринова, как более других производившего шум, хотел было взять в полицию, то они закричали: «Пойдем все», и действительно, отправились к ротному двору, расположенному по распоряжению губернского начальства в деревне Авгор для поддержания порядка между мастеровыми. Здесь по приказанию командира роты собраны были солдаты и окружили мастеровых цепью; тогда предположено было Петра Суринова взять из толпы и наказать, но он при сопротивлении других мастеровых остался не наказан потому, что, когда хотели его из толпы взять, он закричал: «Ребята, не плошайте!» — и с этими словами мастеровые стали кричать: «Наказывай нас всех!» Стали снимать с себя одежду и двинулись было к Суринову, но были удержаны солдатами, которым было приказано взять ружья и из цепи никого не выпускать. После сего мастеровые опять начали кричать: «Нам не из чего работать, зачем нас наказывают, пойдем все в город!» — и всею толпою отправились в Краснослободск, но верстах в шести или семи от завода догнаны были заводским исправником и солдатами и приведены обратно. Затем следователь, сколько ни убеждал их об рукоприкладстве показания, объяснял, что уклонение от сего есть со стороны их послушание, они совершенно от того отказались под разными отговорками, каковы: «Нам не к чему прикладывать руки, нам самим нужны руки», «приложив руки, с чем мы останемся» и т. п.

По следствию более других оказываются виновными в упомянутых беспорядках мастеровые: Петр Никифоров и Прокофий Павлов Суриновы, Василий Иванов Наумов, Иван Федоров Блохин, Ларион Леонтьев Самарцев, Денис Алексеев Суринов, Василий Петров Тимофеев, Иван Федоров Самарцев, Симон Фадеев Армантеев, Алексей Иванов Суринов, Тит Никифоров Блохин, Андрей Васильев Чегодаев, Степан Васильев Драконов и Федор Маркеев Драконов. Затем из мастеровых

Павел Петров и Андрей Тимофеев Юдины, Козьма Петров Байшев и Михайло Павлов Захаров, коих Краснослободский уездный суд признал также главными виновниками, таковыми не оказываются. Из них Павел и Андрей Юдины объяснили, что они во время неисполнения мастеровыми на покосе приказаания заседателя авгорской полиции Данилова на месте происшествия вовсе не были. Байшев показал, что он не слышал приказаания заседателя Данилова перейти мастеровым на другое место и, увидевши, что некоторые из них пошли, без всякого намерения сказал: «Куда те пошли». Михайло Павлов Захаров хотя и объяснил, что мастеровые не исполнили приказаания заседателя Данилова потому, что ту поляну, на которую он их посылал, хотели у владельца просить себе, но штабс-капитан Манухин в поданной в палату просьбе объясняет, что он, Захаров, равно как и Павел Петров Юдин, поведения хорошего и к неповиновению увлечены сколько толпою, столько и бессознательностью своею. В составлении просьб мастеровым Авгорского завода заподозрен краснослободский мещанин Петр Павлов Линьков, он же и Кочкин, но он в том не сознался и по следствию ничем не изобличается.

В поведении на повальном обыске как Линьков, так и все прочие вышепоименованные подсудимые одобрены. Под судом прежде всего были: Петр Линьков по многим делам за разные противозаконные поступки, а Захаров, Юдины и Байшев, вместе с прочими мастеровыми Авгорского завода, за неповиновение своему владельцу и ослушание, оказанное временному отделению Краснослободского земского суда и горнозаводскому исправнику.

Рассмотрев изложенные обстоятельства и сообразив их с законами, Пензенская уголовная палата определяет: 1) Подсудимых мастеровых Авгорского чугуноплавильного завода: Петра Никифорова и Прокофия Павлова Суриновых, Василия Иванова Наумова, Ивана Федорова Блохина, Лариона Леонтьева Самарцева, Дениса Алексеева Суринова, Василия Петрова Тимофеева, Ивана Федорова Самарцева, Семена Фадеева Армантеева, Алексея Иванова Суринова, Тита Никифорова Блохина, Андрея Васильева Чегодаева, Степана Васильева Драконова и Федора Маркеева Драконова, как главных виновных в произведении беспорядков между мастеровыми Авгорского завода, на основании 302 ст. 1 кн. XV т. Зак. уголов., лишив всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, наказать при полиции чрез нижних ее служителей розгами, по неискренности в сознании в средней мере, определенной 35 ст. для пятой степени наказаний сего рода, каждого пятидесятью пятью ударами и потом отдать в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на один год с по-

ловиною, а в случае неспособности кого-либо к работам в сих ротах, согласно 85-й ст. того же тома, заключить в рабочий дом или тюрьму на два года и три месяца; по окончании же срока работ поступить с ними согласно 52-й ст. 1-й кн. XV т. 2) Мастеровых Павла, Петра и Андрея Тимофеевых Юдиных, Козьму Петрова Байшева и Михайла Павлова Захарова по недоказательству, чтобы они были из числа мастеровых главными виновными, на основании 304 и 311-й ст. 2-й кн. XV т. от суда и следствия учинить свободными; но независимо сего как им, так и прочим мастеровым Авгорского завода сделать строгое подтверждение, чтобы они на будущее время подобных поступков не дозволяли, а находились в должном повиновении и послушании у своего владельца и заводского начальства, под опасением, в противном случае, строгого наказания по законам; в чем и обязать их подпискою. 3) Краснослободского мещанина Петра Павлова Линькова по неосознанию и недоказательству в писании для мастеровых Авгорского завода недельных и возмутительных просьб на вышеприведенные 304 и 311-й ст. 2-й кн. XV т. учинить от суда и следствия свободным. 4) Прогонные, суточные и поверстные деньги, а также следующие за подорожную, выданные из казны следователю по настоящему делу чиновнику Островидову всего 78 руб. 78 коп., и все прочие казенные издержки, какие были употреблены по сему делу, взыскать со всех мастеровых Авгорского завода и по взыскании отослать в казну.

С таким решением Пензенской уголовной палаты согласился тамошний начальник губернии.

Подсудимые Петр, Алексей и Прокофий Суриновы, Василий Наумов, Иван Блохин и Ларион Самарцев с товарищами находятся под стражею в краснослободском тюремном замке.

Совет Корпуса горных инженеров, согласно с Департаментом горных и соляных дел, находя означенное решение Пензенской уголовной палаты сообразным с обстоятельствами дела и законами, полагает оное утвердить; о чем и донести Правительствующему сенату, представив предварительно на благоусмотрение господина министра финансов.

Резолюция министра финансов: «Согласен. 10 ноября 1860 г.»